

## ИЗМЕНА

Роман

*«Измена» — первая книга романа-хроники В. Куклина «Великая смута». В ней повествуется о событиях, произошедших на Руси в 1600-1604 гг., накануне трагедии, названной историками Смутным временем. Центральным персонажем здесь выступает агент Ордена иезуитов, оказывающийся то на Псковщине, то в Москве, то в Туле, то в Ельце и подготавливающий страну к большой Гражданской войне. В романе читатель встретится с Борисом Годуновым и его знаменитым дядей — главой Пыточного и Тайного Приказов Семеном Годуновым, с предком А.С. Пушкина Гаврилой Григорьевичем, с юным покуда еще Григорием Отрепьевым, со знаменитым донским атаманом А. Корелой и с не менее знаменитым вожжаком воровской армии Хлопком, с другими важными участниками последующей смуты.*

Благословлено руководителем и духовником Душепопечительского центра святого праведного Иоанна Кронштадского Московской Патриархии иеромонахом Анатолием (Берестовым).

### ЛЕШАК

(7108 годъ от С. М. — 1600 год от Р. Х.)

#### I

— Эка дрянь погода, — молвил высокий вислоусый человек, привалился плечом к дереву и уставив взгляд в центр лохматой огненной линии, тянущейся вдоль нуды<sup>1</sup>. Потертая выгоревшая ферязь<sup>2</sup> с темными полосками от споротых тесемок сидела на нем ладно, как редко сидит одежда на разбойниках. Скобленный подбородок, обвисшие шляхтичные<sup>3</sup> усы выдавали в нем благородное происхождение, совсем неуместное в этом лесу, у этого костра, в компании сидящих у огня в зипунах и треухах бородатых сотоварищей.

— Дым может к селу утянуть, — продолжил вислоусый. — Обнаружат нас.

— Авось... — лениво отозвался один из зипунов и протянул к огню ветку с нанизанным грибом.

Мелкий дождь сорно тарабанил по сгорбленным спинам, придавливал дым к пожухлой траве, и тот, голубым ковром вплетаясь в остовья и прелые листья, полз от тайного разбойничьего логова в сторону елового подлеска, к сосновому бору и дальше к опушке, за которой, знали разбойники, течет ленивая река с мостом на одном быке и серым догнивающим сельцом об одной церкви при двух десятках крестьянских дворов.

Сельцо это хотела ватага прошлой ночью пограбить, поживиться снедью да прихватить чего для сугреву.

Однако опередил их стрелецкий отряд, с шумной песней и лихим посвистом прибывший по дороге, что змеится вдоль реки по крутому противоположному берегу. Яркие кафтаны, блеск бердышей произвели впечатление на разбойников не меньшее, чем на сельских девиц, громыхнувших оконными створками, но тут же приоткрывших ставни и уставивших жадные очи свои в неплотные щели.

Разбойники потянулись обратно в лес. Отыскали павшую сухую сосну, впили мох в расщеп, зажгли и расселись вокруг нуды.

Вислоусый прибил к ватаге в начале лета. Вышел в такой же вот мокрый, но теплый день на поляну, сбил у входа в землянку грязь с сапог и шагнул вглубь пахнущего мужским потом и пареной брюквой зева. Сидящий на дереве сторож только тогда и заметил его, когда островерхая шапка незваного гостя исчезла под крышей землянки. Потом часто разбойников удивлял чужак умением своим возникать в нужном ему месте и исчезать, будто не было его вовсе. Заметили, что даже собаки не чувят его, а если увидят, услышат, то брехать не спешат, а виляют хвостами и прижимают морды к земле.

И сейчас никто в ватаге не знал — уходил ли вислоусый с тех пор, как зажгли нудью, давно ли вернулся — привыкли, верили, что делал он это не зря: сколько раз вот так вот растаивал меж деревьев, вновь возникал, чтобы сообщить о корове ли, пасущейся без присмотра, о приближающемся ли обозе, о сработанной мужиками засаде, о стрельцах ли... Незаметным старался быть и внутри ватаги, в атаманы не лез, говорил мало и впопад, спать всегда уходил ото всех в сторону, а для еды имел свои чашку и ложку. Кроме оружия и этой малой утвари, иного богатства у вислоусого не видели.

Остерегался его лишь сам атаман — густогривый мужчина в обрезанной у колен монашеской рясе, одетой под такой же, как у всех, зипун, имени, как все в ватаге, не имеющий, а грозное прозвище свое носящий

вот уж пятый год. Станным в вислоусом ему казалось все: и незаметность разбойника, и нежелание участвовать в дележе добычи, и спокойствие во время споров, когда глаза у всех горели, а руки сами тянулись к ножам. Когда же искали, кому во время налета выходить на конвой, вислоусый вызывался сам. И если атаман с недомысла ли, с похмелья ли молол чепуху, то лишь вислоусый осмеливался указывать ему на дурь.

Других разбойников устраивало, что вислоусый сам вызывается выходить на дорогу перед караваном с верховой охраной и объявлять о засаде, требовать выкуп с уstraшенных купцов. Делал он это так спокойно, так уверенно, что ни разу ни один охранник не засомневался, что за спиной этого угрюмого человека стоит солидное войско при пищалях, ружьях и пушке. Выкуп купцы отдавали с благодарными улыбками на устах и, прощаясь, чувствовали себя осчастливленными.

Однако атаман и в этом видел подвох. Вислоусый пришелец медленно, но верно оттеснял его. Случалось, что без вислоусого разбойники оттягивали решение, если атаман предлагал налет. Поэтому, услышав чье-то «авось», главарь ватаги решил, что пора показать, кто есть истинный хозяин леса, и, не обернувшись в сторону вислоусого, сказал сердитым голосом:

— Ты бы, Лешак, сходил в сельцо, разузнал: надолго стрельцы?

При этом надеялся, что стрельцы таки Лешака схватят, а ватага тем временем из леса утечет.

Вислоусый впервые не послушался:

— Уходить надо, — сказал. — Песен из села не слышно, собаки молчат. Коли стрельцы в селе остались — без питья, без шума не обошлось бы.

Резон в словах вислоусого был. Но разбойникам уходить от костра не хотелось, а атаман, рассерженный неповиновением, решил настоять:

— Поди и посмотри. Может, стрельцы дальше пошли, а мы здесь мокнем.

Разбойничья братва согласно прошелестела и закивала головами. Грибная пища им порядком надоела, и каждый, глядя на осень, думал не об опасности, которая может прятаться за деревьями, а может и не прятаться, а о теплой избе, о щах в горшке, о бабе на печи, с которой можно поделиться кое-чем из торбочки, куда складывались плоды разбоя.

Вислоусый шагнул за дерево. И когда не дождавшийся ответа атаман оглянулся, у костра его уже не было.

— Лешак он и есть Лешак, — сказал атаман и сплюнул.

Остальные, пожеывая подгоревшие грибы, остались безучастны.

Одна сторона нудьи внезапно разгорелась, рванула пламенем к обвисшей еловой лапе с такой силой, что сухая на ветке хвоя затрещала и посыпалась мелкими искорками.

Разбойники отшатнулись от огня, а один встал, распахнул мотню и окропил бревно струей, вызвав недовольный ропот сидящих:

— Козлом прет!.. Развонялся паскудник!.. Вот ведь кобель!.. Мы бы и так притушили...

Паскудник ответить не успел. Короткая стрела вонзилась ему в грудь и отшвырнула на еловые корни.

Разбойники повскакали на ноги. Каждый кожей почувствовал, как многоглазо следит за ними тьма.

— Сесть! — раздался грозный окрик.

Разбойники, переглянувшись, повиновались.

— В один ряд! — приказал голос.

Разбойники, сидя на корточках, растянулись вдоль нудьи в линию. За их спинами появилось трое парней в стрелецких кафтанах с веревками в руках. Они ловко наделали петель и связали разбойникам руки за спинами так, что те оказались соединенными в три живые цепи по четыре человека.

— Где еще один? — спросил все тот же начальственный голос. — Здесь двенадцать. Должно — тринадцать.

— А вон, — кивнул атаман, стоящий в середине второй связки, в сторону лежащего со стрелой в груди мертвяка. — Тринадцатый.

Из темноты к нудье шагнул еще стрелец — невысокий, кряжистый, колченогий. Он поднял одну из еловых лап, на которой только что сидел разбойник, и швырнул в пламя. Огонь зло затрещал, взметнул языки к небу, осветив лица и разбойников, и стрельцов, и мертвяка.

Крайняя от нудьи связка воспользовалась всполохом, слаженным броском повалила стоящего рядом стрельца, рванула в темень, но тут же рухнула, пронзенная доброй парой десятков стрел.

Испуганный стрелец вылез из-под бьющихся в судорогах тел, держа в руках нож и жалко улыбаясь.

— А ты не зевай, — ухмыльнулся колченогий. — А то долго не проживешь. Переверни, чтоб рожи видеть.

Стрелец сунул нож за пояс и принялся раскладывать убитых лицами вверх. Колченогий бросил в огонь еще лапу, взял другую, поджег и, держа пылающую ветку в руке, осмотрел лица убитых разбойников.

Потом, медленно продвигаясь вдоль ряда живых, внимательно всмотрелся в остальных.

У последнего трех порвался и закрыл пол-лица.

— Сними, — приказал колченогий.

Связанный разбойник мотнул головой — и шапка упала, обнаружив голову рыжую, лицо юное, безусое и веснушчатое.

— А тебя как занесло? — удивился колченогий, — Молокосос.

— Так батька все, — ответил разбойник ломким баском и шмыгнул носом.

— Кто — батька?

Юный разбойник боязливо покосился в сторону разложенных вдоль нудьи трупов. Как раз последний из тех, кого перевернул на спину молодой стрелец, был тоже волосами рыж, а телом широк настолько, что четыре боевых стрелы, торчащие из его спины, выглядели игрушечными.

Стрелец, учуяв направление взгляда колченогого, ухватил рыжего за воротник и стал с натугой поднимать тело. Вдруг рука рыжего метнулась стрелцу под кушак, выхватила нож и вонзила ему в живот.

Блеснула стрела — и расколола затылок разбойника надвое.

Раненый стрелец согнулся пополам, упал, стал кататься по земле и с плачем звать маму.

— Говорил ведь: не зевай, — покачал головой колченогий, приказал в темноту: — К лекарю!

Возникли два стрельца с походными носилками, положили на них скрючившегося в клубок юношу, быстро растворились в темноте.

Веснушчатый плакал, глядя на убитого отца.

Колченогий обернулся к нему:

— Жалко родителя? — спросил. — Достойная смерть. Уважаю, — и быстро, не дав тому опомниться, спросил: — Здесь вся ватага?

Парень глупо заморгал и закивал головой.

— Врешь, — произнес колченогий с сожалением и погрузил клинок в горло отрока.

Вытер лезвие о тянувшееся на земле тело, обернулся к остальным:

— Где еще один? — глазами пробежался по лицам разбойников, остановился на атамане. — Вас было тринадцать?

— Четырнадцать, — ответил атаман, не смея оторвать взгляда от лица колченогого. — Один ушел.

— Когда?

— Только что. Перед вами.

— Куда?

— В село.

Колченогий грязно выругался, повернулся к костру, приказал:

— В амбар их. Мертвых — на телегу, для опознания... — рубанул саблей по нудье, подняв сноп искр. — Проклятье!.. Ушел!

## 2

В доме священника колченогий вел правож. Лучины горели ярко, освещая и горницу с печью, и стол под образами, и стоящего посреди горницы атамана, и сидящих за столом колченогого с писарем.

— Дыбу пробовал? — спросил колченогий, уставив в пленника немигающий жесткий взгляд.

— Бывало, — ответил тот, переступив с ноги на ногу. — Я, сотник, человек гулящий, ко всему привыкший. Спросите — отвечу, что знаю. К чему каинство?

— Лет много?

— Пятьдесят два.

— Многоватенько. Гулящие столь долго не живут.

— Бог спас.

— Таких не Бог — дьявол пасет, — сплюнул сотник в угол. — Прости, Господи! Душ загубил много?

— Считать надобности не было, — ответил атаман. — Но лукавить не стану — много. Я еще в Ливонскую с государем Иван Васильевичем служил.

— Государю служил и в разбойники подался... — раздумчиво произнес сотник. — Звать-то как?

— Тихон, — ответил атаман. — Тихон Крапивин.

— Крапивин... — повторил колченогий, опуская взгляд к столу. — Тихон Крапивин... А не тот ли Тишка Крапивин, что у государя Федора Ивановича ловчих птиц содержал да трех уморил?

— Он самый, — вздохнул атаман и вновь переступил ногами. — Только вины моей не было. Покойный государь Федор Иванович птицу ловчую не любил, внимания ей не оказывал — вот ключники мне корма живого и не давали, птиц на волю не пушали. Как им не околеть? Я мышей для ястребов ловил, крыс... Однажды одну дохлую нашел — дал соколам, а они возьми да помри... А кабы все по закону было, разве стал бы я соколам падаль давать? А меня — на дыбу да в Разбойный Приказ.

— А ты утек.

— Утек, — кивнул атаман. — На Дон подался. Затем на Волгу. Потом сюда, к Пскову поближе. Вольный край, торговый.

— Помолчи, пес, — поморщился сотник. — Не дело вору ценить державу. Место твое — крюк да петля. И край твой — помост под плахой. Лукавишь, червь... Никто еды для соколов царских не таил. Ты сам ею торговал, пил вино, а птиц кормил падалью. Ты, Тишка, — поднял глаза свои свинцовые, — сыном боярским был, царю служил, Руси — ан скурвился. Платить придется кровью.

— Готов.

— Лукавишь, червь, — в голосе колченогого послышалась досада. — Знаешь: коли говорю с тобой — нужен ты державе. Казнить во устрашение черни — занятие пустое. Вместо твоей ватаги придет другая, всех не переловишь и не перевешаешь, — обернулся к писарю: — Поди прочь. Позову.